

В Цзяннани нет сокровищ иных — дарю тебе веточку весны.

Стук копыт взрезал тишину. Приминая сочные прибрежные травы, отряд всадников стрелой вылетел на заросшую густым камышом отмель.

Был день зимнего солнцестояния, и над рекой стлался сырой туман.

Паром так и не прибыл в назначенное время, вынудив путников остановиться у самой воды.

Вожак отряда — широкоплечий воин с волевым лицом — натянул поводья и настороженно огляделся.

Ледяные брызги разбивались о копыта коней. Берег сковала мертвая, неестественная тишина. Вдруг один из скакунов тревожно запрядал ушами и захрапел, почуяв невидимую угрозу.

Внезапно пелену тумана пронзил резкий свист. Оперенная стрела, выпущенная из засады, летела точно в цель. Командир среагировал мгновенно: выхватил клинок и мощным ударом срубил её на лету.

— Засада!

— Защищайте Владыку! К оружию!

Заслышав крики и ржание испуганных коней, всадники обнажили мечи. Холодная сталь зловеще блеснула в сером тумане, образовав защитное полукольцо.

Посыпался град стрел. Вокруг высилась глухая стена тумана, ревели неистовые волны. Студеная зимняя стужа — идеальное время для кровавой расправы, когда вода и холод надежно скроют любые следы.

Но человек, сидевший в самом центре этого хаоса, оставался невозмутим.

Пэй Чжао равнодушно смотрел на бурлящую реку и скрытый туманом противоположный берег. Именно там, в густых лесных зарослях, укрылись нападавшие.

«Как и ожидал, — Пэй Чжао прищурился. — Стоило пустить слух, и они потеряли всякое терпение»

Сопровождавшие его всадники были многочисленны и искусны в бою. Они сомкнули щиты так

плотно, что ни одна стрела не могла пробить эту стальную стену. Клинки со звоном отбивали летящие снаряды, и ни один смертоносный наконечник так и не коснулся одежд Пэй Чжао.

Стрелы постепенно иссякли. На песчаном берегу воцарилось прежнее безмолвие, нарушаемое лишь рокотом речных порогов. Похоже, нападавшие поняли, что внезапный удар провалился, и поспешили отступить вглубь леса.

Командир, для которого подобные стычки были делом привычным, отдал короткие распоряжения и выслал разведчиков прочесать окрестности.

Черная вода с тихим плеском билась о гальку, закручиваясь в пенистые воронки.

И именно в это мгновение Пэй Чжао почувствовал смутную, леденящую тревогу.

В следующий миг вода у самого берега взорвалась веером брызг. Из речной бездны, рассекая воздух, прямо в грудь императору устремилось смертоносное острие. Настоящая угроза таилась под водой!

Эта атака была напитана леденящей, темной ци — неуловимой и смертоносной, точно укус гадюки. Воины замерли в ужасе. Смертоносное острие летело слишком быстро, перехватить его они уже не успевали.

Пэй Чжао резко вскинул руку, намереваясь встретить удар широким шелковым рукавом. Но в самый критический миг в его груди внезапно поднялась волна горячей крови.

Потоки внутренней ци мгновенно взбунтовались и замерли.

В его защите образовалась брешь. Лица стражников исказились от отчаяния — они уже видели своего Владыку поверженным.

Раздался резкий свист, перешедший в звонкий удар клинка.

В долю секунды из тумана вырвалась ослепительная, яростная волна духовного меча. Словно вспыхнувшее полуденное солнце, этот удар снес отравленное жало у самого горла Пэй Чжао.

Из глубин реки донесся глухой стон, и на бурлящую поверхность воды выплыло темное пятно крови.

Сердце Пэй Чжао пропустило удар.

Он попытался отыскать взглядом таинственного спасителя, но тщетно. Река унесла все следы.

Пэй Чжао обернулся: позади высился пустынный остров, окутанный молочной дымкой, и лишь увядший камыш безмолвно качался под порывами холодного ветра.

В третий год эпохи Юнсинь, когда земля оцепенела от зимней стужи, император, путешествующий инкогнито, подвергся покушению у берегов реки Чушуй. Весть об этом потрясла Поднебесную.

Окрестности Цзянье. Загородная усадьба

В ту ночь густой снегопад полностью укрыл горные тропы.

Утро выдалось ясным, но едва солнце миновало зенит, небо затянуло свинцовыми тучами, и повалил крупный, пушистый снег, укрывая все вокруг белым саваном.

В такие сумерки, под сенью тяжелых ледяных облаков, полагалось сидеть у теплого очага, пить подогретое вино или варить чай на талой воде. Однако на каменных ступенях усадьбы, кутаясь от ветра, замерла группа людей. Они то и дело всматривались в заснеженную даль с явным нетерпением.

— Который час? — пробормотал предводительствующий ими старик-слуга. — Кажется, совсем стемнело.

— Почти конец часа Собаки, — отозвался стоявший позади слуга. Он с сомнением посмотрел на пустую горную дорогу. — Господин Яо, а наследный принц Нин точно прибудет сегодня?

— Третьего дня пришло письмо, обещали со дня на день, — ответил Яо Гуанье.

Но когда именно наступит этот день, никто не знал. Наследный принц Нин выехал из родных мест еще три месяца назад. Путешествие растянулось с осени до самой зимы; письма приходили регулярно, а вот самого отправителя все не было видно.

— Снегопад разыгрался не на шутку, — заметил слуга. — Возможно, его высочество решил заночевать на почтовой станции.

Старый слуга призадумался. Действительно, в такую непогоду изнеженному юноше, выросшему в роскоши, пришлось бы несладко. Совершенно естественно было бы переждать метель в каком-нибудь уютном месте.

Однако они ждали так долго, надеясь встретить господина именно сегодня, что уходить теперь казалось невыносимым. Яо Гуанье словно врос ногами в землю, все еще лелея слабую надежду.

А вдруг?

— Господин Яо, глядите, там, внизу... — раздался внезапный возглас слуги.

Сквозь ночную мглу пробилась тонкая цепочка факелов, медленно змеившаяся вверх по склону. Старик впился взглядом в темноту. Огни приближались именно к их усадьбе.

Издалека казалось, что процессия движется медленно, но не успели слуги опомниться, как у ворот усадьбы остановился великолепный экипаж, окруженный вооруженными до зубов гвардейцами в тяжелых доспехах. Один из стражников шагнул вперед, чтобы открыть дверцу, но занавеска приподнялась сама собой — изнутри показалась тонкая рука.

Старый Яо, дрожа от волнения, бросился вперед и склонился в глубоком поклоне:

— Старый слуга приветствует наследного принца Нина!

Не успели его колени коснуться заснеженной земли, как легкий порыв ветра донес до него звонкий, живой смех, рассеявший ночной холод:

— Господин Яо! То-то я удивился, почему дома вас не встретил... А вы, оказывается, уже давно обжились в Цзянье!

Тонкие ладони бережно, но уверенно подхватили старика под локти, не дав ему упасть. Юноша говорил с искренней радостью, а его движения были на удивление ловкими.

Яо Гуанье выпрямился и наконец взглянул на своего юного господина. Тот улыбался, его темные глаза искрились задором. У старика защемило в носу, на глаза навернулись слезы. Наспех смахнув их рукавом, он запричитал:

— Разве мог я не приехать заранее, чтобы все обустроить к вашему прибытию, Наследный принц Нин? Это я, старый дурак, не сумел рассчитать точный день и заставил вас мерзнуть в пути... Вот и дежурил тут каждый вечер.

При этих словах юноша, вспомнив, как сильно затянулось его путешествие из-за частых остановок, почувствовал легкий укол совести.

— Погода нынче совсем немилосердная, — смущенно пробормотал он. — Незачем было стоять на таком холоде.

— Да как же иначе? — замахал руками старик.

Наконец-то дождавшись молодого господина, Яо Гуанъе поспешил увлечь его внутрь дома, глядя на него с безграничной нежностью:

— Вы так легко одеты, наследный принц Нин. Неужели совсем не замерзли?

— Холодно? — юноша весело мотнул головой. — Ничуть! Этот снег такой мягкий и пушистый, куда ему до нашего домашнего... Вот в Шачжоу бураны так бураны, кожу словно ножами режет.

С шутками и смехом они вошли в ярко освещенные покои. Теплый свет светильников упал на юношу, озарив его алые одежды и яркие губы. Лишь теперь слуги смогли как следует разглядеть его лицо — безупречно чистое, словно высеченное из тончайшего льда. Он казался воплощением совершенства, будто нефритовое древо под бледной луной или нежный бутон, укрытый первым снегом. Его красота была столь ослепительной, что у присутствующих перехватило дыхание.

Стоявшие поодаль слуги, хотя и знали, что принимают наследного принца Нина, никогда прежде не видели его воочию. Теперь же они застыли в немом изумлении.

«Пресветлый Будда... Неужели суровые ветры бесплодных степей Шачжоу способны взрастить столь хрупкое и прекрасное создание?»

Этого юношу звали Нин Ли. Ему едва исполнилось семнадцать, и он только что прибыл в столицу по императорскому указу как наследный принц Нин.

Служанка поднесла пиалу с горячим, исходящим ароматным паром абрикосовым чаем янтарного оттенка.

— Согрейтесь с дороги, ваше высочество, — мягко произнес Яо Гуанъе.

Нин Ли, которого давно мучила жажда, сделал глоток и удивленно округлил глаза. Этот кисло-сладкий вкус был ему знаком до боли. Поймав на себе ласковый взгляд старика, он хитро прищурился и напустил на себя притворно-грустный вид:

— Хм... На вкус совсем не то, что дома. Кажется, здесь чего-то слишком много.

Яо Гуанъе растерялся:

— Как же так? Листья привезли из самого Шачжоу... Неужели испортились в дороге или отсырели?

— Откуда мне знать? — пожал плечами Нин Ли. — Это вам, господин Яо, виднее.

Старик нахмурился, перебирая в голове все возможные причины. Ему тоже поднесли чашу, но напиток казался точно таким же, как и всегда.

— Может... слишком сладко?

— Нет, не то.

— Слишком крепко заварен?

— И снова мимо, — Нин Ли забавным жестом замотал головой.

Яо Гуанье окончательно зашел в тупик. Стоявший рядом слуга не выдержал и с улыбкой вставил:

— Должно быть, господин Яо добавил туда щепотку своей отеческой заботы.

Яо Гуанье опешил, а заметив, как Нин Ли лукаво сощурился и на его щеках проступили очаровательные ямочки, лишь безропотно покачал головой:

— Ох, ваше высочество, все бы вам над старым слугой подшучивать!

Нин Ли весело фыркнул и в несколько глотков осушил пиалу.

Ужин был приготовлен заранее и ждал лишь прибытия гостя. Вскоре стол уставили множеством изысканных яств. Почетное место среди них занимала большая глубокая пиала, где красовалось яркое трехцветное блюдо — красные, белые и зеленые кусочки так и радовали глаз.

Нин Ли не поверил своим глазам: перед ним исходил паром наваристый суп «Абрикосовые ракушки» — традиционное зимнее угощение его родного края. Обжаренная с овощами и нежным тофу сочная баранина томилась в наваристом бульоне, в котором плавали крохотные, величиной с косточку абрикоса, кусочки теста. Каждая семья в Шачжоу обязательно готовила его в день зимнего солнцестояния.

Проделав долгий путь за тысячи ли от родного гнезда, он внезапно ощутил укол тоски по дому. В последний раз он пробовал это блюдо ровно год назад, вместе с отцом.

— Интересно, как там отец... — негромко вздохнул он.

Заметив, как молодой князь замер с палочками в руках, устремив задумчивый взгляд в никуда, Яо Гуанье все понял. В этот семейный праздник юноша остался совсем один в чужом городе.

Старик поспешил утешить его:

— Ван Нин — человек широкой души и крепкого духа. Единственное, о чем он по-настоящему беспокоится — это ваше благополучие. Если у вас все будет хорошо, то и его сердце пребудет в покое.

Нин Ли лишь тихо вздохнул. Прежде, отлучаясь из дома, он никогда не тосковал так сильно. Но едва оказавшись в Цзянье, почувствовал себя невероятно одиноким. Не будь этого дурацкого призыва, он бы сейчас сидел подле отца, слушая его неторопливые рассказы.

В душе поднялась глухая злость на старого императора. Мало того, что прослыл распутником и тираном, так еще и издал этот нелепый указ, требующий, чтобы все удельные правители прислали своих первенцев в столицу в качестве заложников! Какая нелепость!

Яо Гуанье ласково уговаривал его, пока юноша наконец не успокоился и не принялся за еду. Когда ужин подошел к концу, старик с улыбкой произнес:

— Вы проделали столь долгий и утомительный путь. Вам нужно хорошенько отдохнуть.

Нин Ли мысленно усмехнулся: он ведь ехал не торопясь, то и дело останавливаясь поглазеть на диковинки — какая уж тут усталость? Однако сытный ужин и тепло очага после морозной дороги сделали свое дело. На него навалилась непреодолимая дремота.

Приняв горячую ванну и смыв с себя дорожную пыль, Нин Ли скользнул под мягкое шелковое одеяло. Постель была заботливо прогрета грелками, маня в свои уютные объятия. Юноша мгновенно заснул.

Он и не подозревал, что пока он мирно спит, за высокими стенами императорского дворца сгущаются грозные тучи.

Императорский дворец. Зал Двух Начал

В Зале Двух Начал ярко горели светильники. Императорские лекари испуганной вереницей сновали туда-сюда, скорбно опустив головы. Однако никто из них не задерживался надолго — Пэй Чжао отсылал их одного за другим.

В тишине огромного зала глухо прозвучал негромкий хриплый голос:

— Удалось что-нибудь разузнать?

Склонившийся перед троном советник почтительно доложил:

— Судя по всему, это уцелевшие приспешники мятежных князей Чэня и Ханя.

Колышущееся пламя свечей выхватило из полумрака профиль Пэй Чжао — жесткий, словно высеченный из камня. Вопреки слухам о тяжелом недуге, приковавшем государя к постели, он сидел за рабочим столом, заваленным свитками. Окинув холодным взглядом разложенные донесения, он ровным голосом произнес:

— Оба этих мятежника мертвы, а их роды истреблены до последнего колена. Ошметки их сил не способны на столь дерзкое покушение... Если у тебя нет других версий, можешь быть свободен.

Сяо Цзюлин, великий командующий Стражи Прислуживания Небесам, верно служил Пэй Чжао много лет и прекрасно знал характер своего повелителя. Услышав ледяной тон государя, он почувствовал, как сердце ушло в пятки.

Стычка у реки Чушуй была спланированной ловушкой. Слух о тайном выезде императора пустили намеренно, чтобы выманить предателей на свет, а затем силами скрытой в засаде элиты взять их теплыми. Но то, что произошло на самом деле, спутало все карты. Никто не ожидал, что след потянется к тем, о ком даже думать было страшно...

— Тебе нечего мне сказать? — тихо спросил Пэй Чжао.

— Ваше Величество! — Сяо Цзюлин рухнул на колени, не смея больше утаивать правду. — Мои люди доносят... В последние дни у ворот Дворца Великого Спокойствия были замечены весьма подозрительные лица.

Сказав это, командующий замер, боясь поднять глаза. Он уставился на темные резные ножки стола и торопливо, шаг за шагом, изложил все добытые сведения, после чего низко склонил голову.

Если до этого в зале царил полумрак и тишина, то теперь воздух словно окаменел.

Хозяином Дворца Великого Спокойствия был не кто иной, как Верховный император.

В четырнадцатый год девиза Жэньшоу прежний правитель отрекся от престола и удалился на покой. В том же году Пэй Чжао, будучи его законным наследником, взошел на трон под девизом Юнсинь. Они были отцом и сыном, но отношения между ними сложно было назвать теплыми.

Сяо Цзюлин содрогнулся, вспомнив утреннюю бойню у Чушуй. Пэй Чжао нарочно подставился под удар, оставив брешь в обороне, чтобы заманить заговорщиков. Но никто не предполагал,

что среди нападавших окажется мастер ступени Отсутствия Заблуждений — великий мастер боевых искусств, способный в одиночку сокрушить армию. Ошметки сил казнённых князей Чэня и Ханя ни за что не смогли бы привлечь фигуру такого масштаба.

Это был прямой приказ убить государя. Безжалостный и точный.

Евнух Чжан Хэлинь, ожидавший у дверей, проводил взглядом вышедшего из зала командующего. Лицо Сяо Цзюлина было бледным и суровым.

Будучи доверенным лицом Пэй Чжао, евнух знал о многих тайных делах двора. Ему не составило труда понять, в каком расположении духа сейчас пребывает император.

Тихо скользнув внутрь, Чжан Хэлинь не успел сделать и нескольких шагов, как из глубины покоев донесся глухой, натужный кашель.

Евнух встревожился и засуетился:

— Ваше Величество, придворный лекарь Ли еще не успел покинуть дворец. Позвольте мне вернуть его, дабы он осмотрел вас должным образом!

Пэй Чжао удостоил его лишь мимолетным, холодным взглядом, и Чжан Хэлинь осекся. Возражать государю было бессмысленно.

Все эти лекари из Императорской аптеки с их величественным видом и учеными речами на деле лишь переписывали из раза в раз одни и те же бесполезные рецепты успокоительных отваров. Пэй Чжао давно устал от их пустой болтовни.

— Но вы продолжаете кашлять... — с беспокойством прошептал евнух.

— Пустяки, — отрывисто бросил император.

Чжан Хэлинь вздохнул. Зная упрямый нрав господина, он все же решился предложить:

— Раз уж вам не угодны лекари, поберегите себя. В столице сейчас слишком сыро и морозно. В загородной усадьбе у горы Таншань бьют теплые источники, и воздух там гораздо мягче. Быть может, переберетесь туда на время?

Пэй Чжао, не проявив особого интереса, молча кивнул в знак согласия.

Гора Таншань. Загородная усадьба

Переезд в Таншань мало что изменил. Для императора это было лишь перемещением из одной золоченой клетки в другую, чуть меньшего размера.

В покоях, обогреваемых жаровнями с дорогим древесным углем, царила удушливая духота. Накинув тяжелый плащ, Пэй Чжао вышел в сад. Прохладный зимний ветер приятно охлаждал лицо, принося с собой едва уловимый, чистый аромат.

Свернув на узкую тропинку, он сам не заметил, как оказался у края сливового сада. Белые цветы распустились столь пышно, что казались застывшим морем снега.

Вдруг тишину нарушил легкий шорох шагов.

Пэй Чжао нахмурился. Он строго-настрого запретил слугам следовать за ним. Однако, обернувшись, не обнаружил никого позади. Зато из-за невысокой каменной ограды донесся звонкий, чистый голос:

— Какая красота... Что это за цветы?

Только теперь он понял, что шаги раздавались в соседнем дворе.

— Это белая слива-мейхуа, молодой господин, — послышался в ответ тихий голос слуги.

За стеной послышалась возня. Похоже, какой-то знатный юноша со своим слугой забрели сюда во время прогулки. Пэй Чжао не собирался подслушивать чужие разговоры, но и обнаруживать себя ему не хотелось, поэтому он просто замер в тени цветущих ветвей.

Мелодичный смех, подхваченный вечерним ветром, долетал до его ушей:

— Как пышно они цветут! Хочу сорвать веточку...

Послышался шорох одежды и скрип снега под сапогами — юноша явно пытался дотянуться до верхних веток.

— Зачем вам эти ветки, молодой господин? — удивленно спросил слуга, которому явно были чужды поэтические порывы.

— Отправлю отцу, — весело отозвался юноша. — Батюшка никогда не видел, как цветет слива в Цзяннани. Теперь, когда я разглядел эту красоту, хочу поделиться ею с ним.

«Какое почтение к родителю», — подумал Пэй Чжао.

В душе императора шевельнулось смутное, горькое чувство. Взгляд его упал на алую ветвь мейхуа, росшую на его стороне стены. Вспомнив утреннее покушение у Чушуй и то, чья рука, скорее всего, направляла убийц, он ощутил укол глубокой тоски.

Пэй Чжао невольно шевельнулся, задев плечом засыпанную снегом ветку. С тихим шорохом на землю посыпались белые хлопья.

— Ой? — раздалось за стеной. — Там кто-то есть?

Нин Ли с любопытством уставился на каменную кладку, сквозь которую пробивались лишь голые прутья. И вдруг прямо над его головой, заалев на фоне белого снега, опустилась ветвь, усыпанная огненно-красными цветами.

— Возьмите и эту. Красное и белое отлично дополняют друг друга, — раздался спокойный, слегка хриловатый голос. Он звучал чисто и прохладно, словно журчание горного ручья, бегущего по камням.

Нин Ли не ожидал такого подарка. Обрадовавшись, он без лишней скромности принял ветвь и весело крикнул:

— Огромное спасибо!

Пэй Чжао спрятал ладони в широкие рукава. На кончиках пальцев все еще чувствовался едва уловимый, тонкий аромат зимних цветов.

— Не стоит благодарности, — тихо ответил он.

Должно быть, от долгого пребывания на морозе Пэй Чжао снова зашелся негромким кашлем. Едва он утих, как с той стороны стены раздался сочувствующий голос:

— Эй, ты в порядке? Кажется, простудился?

Он покачал головой:

— Пустяки.

И лишь мгновение спустя вспомнил, что собеседник не может его видеть.

Легкий дух мейхуа и бесхитростная искренность незнакомца заставили лед в его груди

немного оттаять. Пэй Чжао негромко произнес:

— Не ожидал встретить здесь ценителя прекрасного.

— Ценителя? — искренне удивился юноша.

Пэй Чжао грустно улыбнулся и тихо, словно про себя, продекламировал:

— «В Цзяннани нет сокровищ для тебя... Дарую эту ветвь — предвестницу весны».

<http://bllate.org/book/20087/2001843>